

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА А. М. ГОРЬКОГО

Традиции классиков и новаторство

Новаторство в литературе невозможно без развития лучших традиций прошлого, обогащения их передовым опытом современности. В. И. Ленин решительно отверг попытку «выдумывать» новую пролетарскую культуру и определил ее единственно возможным путем как закономерное развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и борьбы пролетариата.

К сожалению, многим работам о Горьком не хватает ясного понимания вопроса об идейно-творческих связях основоположника советской литературы с писателями-реалистами XIX века.

Из ряда исследований творчества писателя выделяются «Горьковские чтения» — коллективный труд советских литературоведов. В периодически выходящих сборниках принимают участие известные ученые, много лет отдавшие изучению творчества Горького, и молодые исследователи. Это сотрудничество, организуемое Институтом мировой литературы имени Горького, несомненно, весьма плодотворно.

Два сборника «Горьковских чтений», вышедших в послевоенные годы, включают материалы и исследования по важным вопросам горьковедения: о творческом методе, о традициях и новаторстве, о горьковском влиянии на развитие братских литератур. Многие статьи посвящены анализу выдающихся произведений писателя.

Именно потому, что «Чтения» завоевали авторитет в решении сложных проблем горьковедения, редакция и авторы должны с еще большей требовательностью относиться к делу. В каждом новом сборнике необходимо идти дальше в разработке той или иной проблемы, исправлять ошибки, допущенные в первых сборниках. Время, год за годом, вносит много нового в науку о литературе. Сборники же не успевают за жизнью, а исследования, ранее опубликованные в них, стареют, нуждаются в коррективах.

В первом по времени выхода в свет сборнике «Чтений» большой раздел посвящен традициям классиков в творчестве Горького. А в следующем и пока последнем сборнике «Чтений» проблема традиций уже не затрагивается. А ведь как раз за последние годы наше понимание роли классического наследства во многом расширилось и обогатилось.

В работах, опубликованных в первом из этих сборников, сохранилось немало полезного и по сей день. Но во многих из напечатанных здесь работ обедняется русская реалистическая литература прошлого, умаляется значение нашего наследства.

Уже в предисловии к сборнику проводится неверная мысль, будто «вопросы о связях с литературными традициями актуальнее и значительнее по отношению к более ранним этапам развития и творческих исканий Горького». Как будто эти вопросы менее значительны по отношению к последующим этапам развития писателя! Авторы полагают, что, мол, зрелый Горький создает «произведения совершенно нового качества», и поэтому для него проблема традиций уже не так актуальна.

Раннее творчество, несмотря на все его своеобразие, все же является в известной мере периодом ученичества, временем интенсивного восприятия традиций. Легко здесь обнаруживаются зримые следы влияния романтики Пушкина и Лермонтова, творчества реалистов-шестидесятников, Короленко и Чехова, устного народного творчества. Истинное продолжение, разработка, развитие передовых традиций XIX века начинается именно в годы зрелого творчества Горького. В «произведении совершенно нового качества» — в романе «Мать», как ни в каком другом до этого произведении, продолжены лучшие традиции прошлого: в образе Павла Власова по-

знана сущность новой революционной силы, как познаны были в свое время декабристы в образе Чацкого, революционеры-демократы — в образе Рахметова. Создание неповторимых образов и картин русской жизни — яркое свидетельство продолжения одной из замечательных традиций классической литературы, где что ни художник — то новый поэтический мир.

В пьесе «Егор Булычов и другие», в романах «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина», созданных в пору полной зрелости, трудно обнаружить следы прямого влияния кого-нибудь из предшественников Горького: так своеобразны эти произведения, так непосредственно и полно выразился в них горьковский гений — детине революционной пролетарской эпохи. Но вместе с тем без пушкинской простоты и глубины содержания, без лермонтовского и толстовского проникновения в человеческие характеры, без гоголевской и щедринской сатирической силы непонятна и необъяснима будет проза Горького, а без реалистической драматургии XIX века, и особенно чеховской, нельзя понять горьковскую драматургию. В выдающихся творениях Горького следует видеть развитие реалистических принципов, созданных всей русской классической литературой, — принципов правдивости, народности и простоты.

Некоторые горьковеды, боясь «умалить» значение Горького, прибегают к антинаучному методу исследования: при сопоставлении у Горького берутся сильные стороны, у классиков — слабые. После этого легко делается вывод о полном превосходстве Горького, как художника, над всеми классиками русской и мировой литературы. К участникам «Горьковских чтений» этот упрек относится в меньшей степени, но, к сожалению, относится.

Раздел о традициях открывается в «Чтениях» статьей А. М. Егорова «Горький и русская литература». В ней характеризуется Горький как критик и историк русской литературы. Автор раскрывает огромную важность горьковских оценок, их познавательную и эстетическую ценность, но вместе с тем указывает и на ошибочность некоторых из них. Однако и в этой содержательной статье следует пересмотреть некоторые положения. Так, автор пишет: «У русских классиков Горький отмечал неполноту изображения революционного движения в России, недостаточное внимание к революционным борцам, к активным русским людям, преувеличенное внимание к «лишнему человеку». Горький отмечал узость тематики русских писателей-классиков, ограниченность их поля наблюдения».

Автор статьи, излагая некоторые высказывания Горького, соглашается с ними, в то время как надо было объяснить причину их ошибочности. Можно ли упрекнуть Пушкина в «недостаточном внимании» к Пугачеву и Степану Разину? Разве не останутся гоголевский Тарас Бульба в веках как один из образов активных русских людей? Можно ли безоговорочно утверждать, что изображение революционного движения середины века в творчестве Некрасова, Чернышевского, Михайлова или изображение активных русских людей в творчестве Тургенева, Гончарова, Островского, Толстого было неполным? Несправедлив также упрек в ограниченности поля наблюдения классиков. Самые существенные стороны русской действительности были отображены в их творчестве. Вот почему мы и говорим о них, как о великих художниках.

Статья Е. Тагера «Горький и Чехов» интересна во многих отношениях: она проникнута убежденностью в правоте отставленной точки зрения, ряд ее положений стал достоянием школьного и вузовского преподавания. Вместе с тем, как никакая

другая статья «Чтений», она устарела в решении главного вопроса, которому посвящена. В ней умаляются творческие достоинства Чехова путем резкого противопоставления его идейной направленности творчества Горького. Из статьи мы узнаем, будто Чехов страдал постоянным скептицизмом, который к тому же был «ущербным в условиях созревающей социалистической революции»; будто чеховское творчество проникнуто пассивностью; оказывается, новое, революционное начало, которое вносит в мировое искусство Горький, не только не содержалось в творчестве Чехова, но было решительно противопоставлено всему этому творчеству. Вот почему, пишет Е. Тагер, «в чеховских пьесах нет прямого столкновения двух непримиримо враждебных лагерей, нет, в сущности, «врагов»... Существенная тема, которую раскрывает Чехов в своих пьесах, может быть названа драмой капитуляции человека перед буржуазной действительностью... У одних — отрицательных персонажей — это приводит к утрате человечности, у других — страдающих, протестующих, пытающихся сопротивляться — это приводит к надломленной человечности». Разве не слышатся здесь отголоски старых взглядов на Чехова — «певца тоски», беспросветно-грустного, «надломленного» художника? Вероятно, и сам Е. Тагер теперь пересмотрел эту свою точку зрения, высказанную несколько лет назад.

Чеховское творчество объективно служило революционному делу, Чехов своим художественным словом влиял на судьбы нашей революции — вот вывод, которого нет в статье Е. Тагера и к которому неизбежно придет всякий, кто глубоко изучил творчество великого писателя. «Когда я смотрел «Трех сестер», — писал один из многочисленных рядовых зрителей А. В. Луначарскому в дореволюционную пору, — я весь дрожал от злости... Нет, Анатолий Васильевич, эта пьеса поучительная и зовущая к борьбе! Когда я шел из театра домой, то кулаки мои сжимались до боли, и в темноте мне мерещилось то чудовище, которому хотя бы ценою своей смерти надо нанести сокрушительный удар».

В. М. Молотов в своей речи в день похорон Горького указывал, что влияние горьковского художественного слова на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Это означает, что и другие великие русские писатели влияли на развитие нашей революции, Горький же — непосредственнее и сильнее других. Революционное начало, которое так сильно выражено Горьким, неразрывно связано с сильными сторонами творчества русских классиков, в том числе и Чехова.

Как в самой жизни пролетарское революционное движение неразрывно связано с предшествующими этапами русского освободительного движения и подготовлено ими, так и в литературе новый творческий метод — социалистический реализм — неразрывно связан с русским реализмом XIX века и подготовлен им.

Новаторство Горького заключается в том, что традиции реалистической литературы XIX века обогатились в его творчестве опытом революционной борьбы пролетариата и идеями ленинизма, передовым опытом народной жизни XX века.

«Горьковские чтения» пользуются известностью среди широких кругов советской интеллигенции; опубликованные здесь статьи служат пособием для преподавателей и студентов, для которых вопрос о связях Горького с классиками — один из первостепенных. Работы, опубликованные до сих пор, свидетельствуют о том, что Институт мировой литературы еще далеко не решил эту проблему.

С. ШЕШУКОВ